

DOI: 10.31857/S013038640018084-0

© 2023 г. **О.А. ЧЕРНОВ**

Н.В. ЧАРЫКОВ И Ф.Ф. МАРТЕНС: КАРЬЕРЫ ДВУХ ДИПЛОМАТОВ

Чернов Олег Александрович — доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории и археологии Самарского государственного социально-педагогического университета (Самара, Россия).

E-mail: ochernow@gmail.com

ORCID: 0000-0003-1783-8750; Researcher ID: M-8221-2013

Аннотация. Российский посланник в Нидерландах Н.В. Чарыков и член Совета МИД, профессор Ф.Ф. Мартенс были делегатами на второй Гаагской конференции мира и сыграли заметную роль в формировании системы международной безопасности. Однако на конференции их отношения испортились, и нашей целью является выявить причины их разногласий, которые не ограничиваются работой конференции. В публикации обращено внимание на период становления дипломатов, элементы их взглядов, ценностных ориентаций. Для рассмотрения поставленных вопросов были привлечены как официальные, делопроизводственные документы, так и источники личного происхождения. Хотя жизненные пути Чарыкова и Мартенса во многом схожи, но имеют они и существенные различия. По принципиальным вопросам формирования системы международной безопасности существенных расхождений между Чарыковым и Мартенсом не было. Оба полагали, что международные отношения должны формироваться через развитие институтов международной безопасности, создание норм международного права. Причины недоброжелательных отношений двух дипломатов носят субъективный характер. Мартенс испытывал чувство неприязни к Чарыкову, поскольку тот в силу своего происхождения находился выше в иерархии, что гарантировало ему по традиции, сложившейся в МИД Российской империи, преимущество в получении должностей. Мартенс хотел стать посланником в Нидерландах, но назначение досталось Чарыкову. Мартенс осуществил громадную работу по созыву второй Гаагской конференции, но Чарыков получил равный с ним статус в делегации и даже некоторое преимущество. Мартенс негативно относился к инициативам Чарыкова, считая, что они нарушают намеченную им стратегию и тактику. Показаны конкретные проявления детерминирующего воздействия субъективных факторов, элиминирующих механическое исполнение инструкций.

Ключевые слова: Н.В. Чарыков, Ф.Ф. Мартенс, Гаагская конференция мира, международная безопасность, международное право, дипломаты, международные конференции, Российская империя.

О.А. Chernov

Nikolay Charykov and Friedrich Martens: The Careers of Two Diplomats

Oleg Chernov, Samara State University of Social Sciences and Education (Samara, Russia).

E-mail: ochernow@gmail.com

ORCID: 0000-0003-1783-8750; Researcher ID: M-8221-2013

Abstract. Nikolay Charykov and Friedrich Martens played a significant role in shaping the international security system. However, their activities at the Second Hague Conference went beyond cooperation and solidarity. The purpose of the article is to identify the reasons for the disagreement between the

two diplomats. The author believes that the reasons for the discord between Charykov and Martens went beyond the proceedings of the Second Hague Peace Conference. One should pay attention to the formation periods for the diplomats, the elements of their views and value systems. The author demonstrates that the life paths of both Charykov and Martens were in many ways similar, yet had significant differences as well. The author points out that there were no significant differences between Charykov and Martens on the fundamental issues of the formation of the international security system. Both believed that international relations should be shaped through the development of international security institutions and the creation of international law. The reasons for the enmity between the two diplomats were subjective. Martens disliked Charykov because, due to his background, the latter was higher in the hierarchy, which guaranteed him, according to tradition established in the Ministry for Foreign Affairs of the Russian Empire, an advantage in obtaining appointments.

Keywords: Nikolay Charykov, Friedrich Martens, Hague Peace Conference, international security, international law.

Гаагские конференции мира заложили принципы современного международного права. Ощутимый вклад был внесен российскими делегатами, что нашло заметное отражение в историографии¹.

При этом в литературе отмечаются сложные взаимоотношения между членами российской делегации. Так, маститый юрист-международник Ф.Ф. Мартенс проявлял неприязнь к другому, не менее авторитетному делегату — Н.В. Чарыкову², назначенному вскоре после Гаагской конференции товарищем министра иностранных дел³.

Чем были вызваны разногласия Н.В. Чарыкова и Ф.Ф. Мартенса? Явились ли они отражением разных мировоззрений делегатов или же были явлением другого рода? Исследование данных вопросов стало целью представленной статьи.

Следует отметить работы, проливающие свет на биографию Мартенса⁴, хотя и в несколько апологетическом ключе, по мнению И.С. Рыбаченко⁵. Ряд исследований в большей или меньшей степени затрагивает разные аспекты жизненного пути дипломата Н.В. Чарыкова, оказавшего заметное влияние на формирование и реализацию внешнеполитического курса Российской империи⁶.

Подход, состоящий в обращении к непосредственному хронологическому отрезку, выпадающему на явный конфликтный момент, представляется недостаточным. Напротив, обращение к периоду становления личности, анализу мировоззрения персоналий и в особенности факторов его формирования позволяет лучше понять причины противостояния. В целом же наиболее продуктивным инструментом применительно к данной проблеме является просопографический метод, который и был положен в основу исследовательской работы.

Для рассмотрения поставленных вопросов были привлечены как официальные, делопроизводственные документы, так и источники личного происхождения. Следует отметить, что источниковая база применительно к двум персоналиям отличается. Так, не был обнаружен дневник Н.В. Чарыкова (за исключением раннего детского), но имеются его мемуары. Напротив, не опубликованы воспоминания Ф.Ф. Мартенса, но найден его личный дневник. Это порождает определенный диссонанс в сравнительном анализе. В случае с Н.В. Чарыковым речь идет об оценках, сформулированных существенно позднее, в ситуации Ф.Ф. Мартенса — о сиюминутном восприятии. Потому представляется необходимым привлечение

¹ Николаев Н.Ю. Россия и Гаагская мирная конференция 1899 года: дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2001; Рыбачёнок И.С. Россия и Первая конференция мира 1899 года в Гааге. М., 2005; Её же. Россия и вторая конференция мира 1907 года в Гааге // Новая и новейшая история. 2019. № 1. С. 113–146.

² Pustogarov V.V. Our Martens. International Lawyer and Architect of Peace / ed. and transl. by W.E. Butler. London; The Hague; Boston, 2000. P. 318.

³ Российский Государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 1405. Оп. 528. Д. 230. Л. 7–8.

⁴ Пустоголов В.В. «...С пальмовой ветвью мира». Ф.Ф. Мартенс — юрист, дипломат, публицист. М., 1993; Её же. Ф.Ф. Мартенс — юрист, дипломат, публицист // Вопросы истории. 1999. № 7. С. 141–147.

⁵ Рыбачёнок И.С. Заграничное турне профессора Ф.Ф. Мартенса // Вопросы истории. 2018. № 8. С. 100–122.

неопубликованной переписки, как личной, так и деловой. Причем в результате сравнительного анализа документов личного и делового характера были выявлены существенные аксиологические отличия.

Биограф Мартенса В.В. Пустогаров пишет, что «Федор Федорович родился 15 августа 1845 г. в бедной эстонской семье. Девяти лет мальчик остался сиротой и при содействии учителя местной школы был направлен в сиротский дом при лютеранской церкви Св. Петра в Санкт-Петербурге. За успехи в учебе его перевели в немецкое училище, где он и закончил гимназический курс. В 1863 г. он поступил на юридический факультет Петербургского университета. В детстве и юности его звали Фридрихом Фромгольдом, и так он значится в своих ранних публикациях. Федором Федоровичем он стал уже в зрелом возрасте после перехода в православие в связи с женитьбой»⁷.

Николай Валерьевич Чарыков же происходил из старинного российского дворянского рода⁸. Отцом его был В.И. Чарыков, видный деятель эпохи Великих реформ Александра II и вятский, минский и курский губернатор впоследствии. Его матерью была А.Д. Путилова — дочь самарского помещика. Николай появился на свет 8 января (по старому стилю, указанному в документах) 1855 г.⁹ В раннем возрасте мальчик остался без матери, но в отличие от Ф.Ф. Мартенса был на попечении отца и материально обеспечен, что позволило ему получить домашнее образование¹⁰, отправиться на учебу в Великобританию¹¹ и закончить затем Александровский Императорский (Царскосельский) лицей¹².

Мартенс окончил университет в 1867 г. и защитил выпускную работу «Об отношениях между Россией и Оттоманской империей в царствование императрицы Екатерины II»¹³. Для своей лицейской диссертации Чарыков избрал сходную тему — «История отношений России и западноевропейских держав с Турцией»¹⁴.

Мартенс выбрал для себя академическую карьеру при университете. По рекомендации профессора И.И. Ивановского, возглавлявшего кафедру международного права, он был оставлен на этой кафедре¹⁵. Следует отметить, что Чарыков также учился у И.И. Ивановского, преподававшего также и в Александровском лицее¹⁶.

⁶ Чернов О.А. Дипломатическая деятельность и исторические взгляды Н.В. Чарыкова. Самара, 2010; *Его же*. Ранние годы российского дипломата и ученого Н.В. Чарыкова. По документам Центрального государственного архива Самарской области // Вестник архивиста. 2012. № 4. С. 292–299; Сергеев Е.Ю. Большая игра, 1856–1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М., 2012; Почекаев Р.Ю. Российский фактор правового развития Средней Азии: 1717–1917. Юридические аспекты фронтальной модернизации. М., 2020; Синдеев А.А. Российское направление концерта держав в 1909 и 1919 гг. (подход Германии) // Весці БДПУ. Серія 2. Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Культуралогія. 2020. № 4 (106). С. 79–83; Вишняков Я.В. Два взгляда на сербскую политику. Н.В. Чарыков и П.А. Капнист о внутриполитическом положении Сербского королевства и Балкан начала XX века // Славяноведение. 2021. № 5. С. 5–15; Кузьмичева Л.В. Российские дипломаты Н.В. Чарыков и В.Н. Штрэндтман о причинах неудачи российского плана создания Балканской федерации // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2021. Т. 16. № 1–2. С. 154–170; Матвеева А.Г. Посольство Российской империи в Берлине о социалистическом движении в Германии в 1890–1898 годах. По материалам Архива внешней политики Российской империи // Новая и новейшая история. 2021. № 5. С. 179–193; Пахомова Л.Ю. Балканский лакмус. Австро-венгерская политика в Боснии и Герцеговине и российская дипломатия (1878–1908). М., 2021.

⁷ Пустогаров В.В. Ф.Ф. Мартенс — юрист, дипломат, публицист. С. 141.

⁸ Центральный государственный архив Самарской области (далее — ЦГАСО). Ф. 143. Оп. 1. Д. 5. Л. 1.

⁹ Там же. Д. 16. Л. 34.

¹⁰ Tcharykow N. V. Glimpses of High Politics. London, 1931. P. 75.

¹¹ ЦГАСО. Ф. 143. Оп. 1. Д. 74. Л. 214.

¹² Там же. Д. 78. Л. 349.

¹³ Рыбачёнок И.С. Заграничное турне профессора Ф.Ф. Мартенса. С. 102.

¹⁴ Tcharykow N. V. Glimpses of High Politics. P. 85.

¹⁵ Рыбачёнок И.С. Заграничное турне профессора Ф.Ф. Мартенса. С. 102.

¹⁶ ЦГАСО. Ф. 143. Оп. 1. Д. 77. Л. 780.

В 1869 г. Мартенс защитил магистерскую диссертацию «О праве частной собственности во время войны» и был направлен на зарубежную стажировку. Там он слушал известных профессоров, в том числе Иоганна Каспара Блюнчли, разработчика кодекса международного права¹⁷, изучал его труды¹⁸. В 1873 г. Мартенс получил степень доктора наук, а три года спустя стал ординарным профессором Петербургского университета¹⁹.

В начале 1869 г. Мартенс был зачислен на службу в МИД по совместительству. Министр А.М. Горчаков дал поручение Мартенсу начать работу по созданию собрания трактатов и добился для него у императора разрешения пользоваться всеми необходимыми архивами²⁰.

В феврале 1876 г. приступил к работе в Московском главном архиве МИД Чарыков. В мае того же года он был назначен «исполнять должность правителя дел состоящей при Архиве комиссии печатания государственных грамот и договоров» и принял непосредственное участие в работе комиссии под руководством Мартенса²¹.

Начав работу в российском МИД, Мартенс предложил Горчакову выступить с инициативой заключения международной конвенции о законах и обычаях войны. Следя за франко-прусской войной 1870—1871 гг., Мартенс составил проект конвенции²². Стоит отметить в этой связи, что, еще будучи воспитанником пансионата до поступления в Лицей, Чарыков был неприятно поражен изменением отношений между преподавателями — французами и немцами — с началом франко-прусской войны. «Странно и жалко, — писал он, — что люди, жившие в согласии и дружбе, готовы из-за каприза какого-нибудь Наполеона или Вильгельма сделаться врагами»²³.

Против стремления славянофилов обособить Россию от Европы был направлен публицистический очерк Мартенса «Национальная политика князя Бисмарка», в котором подчеркивалось: Россия является неотъемлемой частью европейского культурно-исторического сообщества²⁴. В 1876 г. Н.В. Чарыков опубликовал работу «Посольство в Англию дворянина Григория Микулина в 1600 и 1601 гг.», где проводил мысль о единстве интересов государств европейского «христианско-культурного мира», включавшего в себя и Россию²⁵.

Оба деятеля состояли в Русском Императорском историческом обществе²⁶ и Обществе международного права²⁷. Причем Чарыков скромно признавал первенство Мартенса и других членов по сравнению с собой. «Один лишь мой молодой товарищ по канцелярии и я будем не “особными особами...”»²⁸ — самоиронично писал он отцу.

Мартенс, работая в архивах, использовал их материалы для написания ряда исторических очерков, публиковавшихся в 1882—1905 гг. в журналах «Вестник Европы» и «Русская мысль»²⁹. В тех же журналах примерно в то же время выходили и работы Чарыкова.

Несмотря на участие Мартенса во внешнеполитических процессах, он не занимал в российском МИД высокой должности. Пик его карьерного роста пришелся на 1881 г.: Мартенс был назначен членом Совета при министре иностранных дел. Чарыков выбрал в качестве ведущей не академическую деятельность, а дипломатическую, и планомерно поднимался по иерархии МИД — от сотрудника архива до заместителя министра и чрезвычайного и полномочного посла.

¹⁷ Рыбачёнок И.С. Заграничное турне профессора Ф.Ф. Мартенса. С. 103.

¹⁸ ЦГАСО. Ф. 143. Оп. 1. Д. 78. Л. 220.

¹⁹ Рыбачёнок И.С. Заграничное турне профессора Ф.Ф. Мартенса. С. 103.

²⁰ Пустогаров В.В. Ф.Ф. Мартенс — юрист, дипломат, публицист. С. 142.

²¹ Российский Государственный архив древних актов. Ф. 180. Оп. 9. Ед. хр. 26. Л. 111 об.

²² Пустогаров В.В. Ф.Ф. Мартенс — юрист, дипломат, публицист. С. 142.

²³ ЦГАСО. Ф. 143. Оп. 1. Д. 77. Л. 231.

²⁴ Пустогаров В.В. Ф.Ф. Мартенс — юрист, дипломат, публицист. 143.

²⁵ Чарыков Н.В. Посольство в Англию дворянина Григория Микулина в 1600 и 1601 гг. СПб., 1876.

²⁶ ЦГАСО. Ф. 143. Оп. 1. Д. 84. Л. 58.

²⁷ Пустогаров В.В. Ф.Ф. Мартенс — юрист, дипломат, публицист. С. 144.

²⁸ ЦГАСО. Ф. 143. Оп. 1. Д. 84. Л. 58.

²⁹ Пустогаров В.В. Ф.Ф. Мартенс — юрист, дипломат, публицист. С. 144.

Способности Мартенса ярко проявились при подготовке и проведении первой конференции мира в Гааге в 1899 г. Хотя Федор Федорович был убежденным поборником мирных отношений между государствами и понимал исключительную важность разоружения, новость о созыве Гаагской конференции он воспринял скептически, полагая совершенно нереальным побудить державы пойти даже на малейшее ограничение вооружений.

Чарыков, напротив, с восторгом принял идею первой Гаагской конференции. Он также был убежденным сторонником мира и участвовал в подготовке первой конференции, занимаясь вопросом об участии папы римского. «Черновую» подготовку конференции — как Мартенс — он не вел.

Мартенс обладал широким пониманием замыслов инициативы русской дипломатии, которая должна вылиться во всемирную конференцию с весомыми результатами. Он предложил трансформировать конференцию по разоружению в конференцию мира и вести ее работу по трем направлениям: собственно вопросы разоружения; средства поддержания международного мира; законы и обычаи войны. Кроме того, он помогал председателю конференции российскому дипломату Е.Е. Стаалю в ведении пленарных заседаний, а также работал в третьей комиссии.

Последним крупным делом Мартенса стала подготовка второй конференции мира в Гааге и участие в ее работе. Для Чарыкова это было первое мероприятие на столь масштабном уровне с его непосредственным участием.

В процессе подготовки конференции и Чарыков, и Мартенс заняли схожую позицию, возражая против передачи функций по подготовке второй конференции совету Постоянной палаты третейского суда в Гааге, созданного в соответствии с Конвенцией о мирном решении международных столкновений³⁰. О дальнейшем статусе этого органа Чарыков и Мартенс имели разные мнения.

В сентябре 1905 г. Мартенс высказался за включение в программу конференции вопроса об усовершенствовании третейского суда, считая пересмотр Конвенции 1899 г. о мирном разрешении международных столкновений «самой важной и самой благородной задачей»³¹.

Чарыков же в своем проекте программы второй конференции предлагал не брать обязательства о пересмотре или дополнении Конвенции, поскольку ряд государств выступил за придание третейскому суду характера международного политического органа. Кроме того, с оговоркой он поддержал идеи Н.А. Комарова: инициировать вопрос об открытии во время войны постоянной сессии Гаагского международного суда для рассмотрения споров, возникающих при применении на практике различных международных соглашений, касающихся морской и сухопутной войн.

Чарыков предлагал установить норму, согласно которой воюющие стороны подписывали бы специальную декларацию об обращении к нейтральному правительству, дабы оно предоставило возникший между ними спор по поводу нарушения конвенционных правил на решение Постоянной палаты третейского суда. Решение скорее всего будет носить лишь рекомендательный характер, считал Николай Валерьевич, однако польза для России в том, что ей будет принадлежать заслуга этой благородной идеи. Мартенс высказался против подобного замысла: воюющие государства не дадут согласия в период военных действий представить своих командующих на суд международного трибунала, и категорически отказывался юридически обосновывать идеи Чарыкова. Николай Валерьевич возражал и полагал желательным сохранить в программе конференции упоминание о сущности идеи. В конечном счете на совещании в МИД был принят текст обращения, в котором речь шла только о желательности «дальнейшего изыскания путей к усовершенствованию учреждений, созданных Первой конференцией»³².

³⁰ Рыбачёнок И.С. Россия и вторая конференция мира 1907 года в Гааге. С. 118.

³¹ Там же. С. 122.

³² Рыбачёнок И.С. Проекты усовершенствования деятельности Постоянной Палаты Третейского суда в Гааге в контексте подготовки Второй конференции мира 1907 г. // Внешнеполитические интересы России: история и современность. Самара, 2019. С. 158.

Для понимания взглядов Мартенса весьма полезным является его дневник, позволяющий выявить его личную позицию, заметно отличавшуюся от того, что он писал в официальных документах. Применительно к организации внешней политики он отмечал: «Что творится в МИД и в области внешней политики — трудно себе вообразить. Господствует полный хаос»³³.

4 (17) января 1907 г. он записал: «Извольский обратился ко мне с просьбой взять на себя ведение всего дела о II мирной конференции в Гааге. Он чистосердечно сознался, что совершенно не знает этого дела и совсем не понимает, почему «мы (Ламздорф и Мартенс. — О. Ч.) затеяли это дело. ... Как бы то ни было, Извольский приказал передать мне все картоны дела II Гаагской конференции... и откомандировал в полное мое распоряжение... Б.Э. Нольде, которого я сам выбрал и знаю его как отличного и знающего работника»³⁴. После ознакомления с дипломатической перепиской на данный счет Мартенс заявил о полной бесполезности конференции. Чарыков, напротив, увлеченно занимался ее подготовкой.

Заметим, что в дневнике картина событий выглядит так, как будто бы Мартенс узнал о подготовке второй конференции от Извольского и был ее плану весьма удивлен. Однако на самом деле Мартенс изначально был в курсе событий. Так, в письме от 3 (16) декабря 1905 г., т.е. задолго до разговора с Извольским, Мартенс писал Ламздорфу: «На основании полученного мною, по приказанию Вашего Сиятельства, материалов для выработки программы второй мирной Конференции в Гааге... я составил проект такой программы»³⁵.

Очевидно, что позиция Мартенса диктуется очередной обидой. В записи от 2 (15) января 1906 г. он пишет: «Для характеристики моих отношений с гр. Ламздорфом и моего положения в МИД приведу следующий факт из последнего времени. Граф в сентябре просил меня взять на себя председательство в двух комиссиях для составления программы будущей конференции и составить проект оной. В половине декабря я составил такой проект и представил графу. Но делопроизводитель Первого департамента Приклонский составил в отмену моего проекта свой собственный. Директор Гартвиг вполне его одобрил и поддерживает! Министр также. Таким образом, два филолога (Приклонский и Гартвиг. — О. Ч.) вместе с бывшим воспитанником Пажеского корпуса Ламздорфом пришли к убеждению, что они лучше меня знают международное право и деятельность на международных конференциях. Я категорически отказался рассматривать новую программу и сказал, что они могут делать что и как хотят»³⁶.

Заключение о бесполезности предварительной переписки также нуждается в пояснении, ибо Мартенс сам отмечал в официальной записке к Ламздорфу: «... сообщение... программы всем державам, приглашенным на новую мирную Конференцию, было бы пока достаточно для определения главнейших вопросов, могущих подлежать обсуждению. ... В настоящее время мне думается только желательно вызвать предварительный обмен мыслей между Правительствами»³⁷. Однако впоследствии в личном дневнике он критиковал способ взаимодействия через переписку, настаивая на необходимости поездки в Западную Европу для проведения переговоров очного характера.

В ходе этой поездки Мартенс побывал в Нидерландах: «В Гааге... я жил у нашего посланника Н.В. Чарыкова»³⁸. Посетив Бельгию и Люксембург, где имел разговор с послом А.И. Нелидовым, Федор Федорович отметил: «Старик ужасно увлекается Гаагской конференцией, на которой должен председательствовать, но боюсь, что он много сделает

³³ Политика России 1905—1907 годов. Из дневника Ф.Ф. Мартенса // Международная жизнь. 1996. № 1. С. 106.

³⁴ Там же. 1997. № 4. С. 101.

³⁵ Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 4924. Л. 41.

³⁶ Политика России 1905—1907 годов. Из дневника Ф.Ф. Мартенса. 1996. № 4. С. 104.

³⁷ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 4924. Л. 41—41 об.

³⁸ Политика России 1905—1907 годов. Из дневника Ф.Ф. Мартенса. 1997. № 4. С. 104.

глупостей. Он не хочет, чтобы Чарыков был русским уполномоченным. Очевидно он узнал его неимоверную глупость»³⁹.

Учтем, что сам Мартенс не смог получить должность первого уполномоченного, хотя весьма этого желал. В 1899 г. председателем был Е.Е. Стааль, а в 1907 г. А.И. Нелидов. Очевидно, что в основе неприязни и к Чарыкову лежат неудовлетворенные амбиции Мартенса. Ситуация усугублялась тем, что тот сначала получил равный с Мартенсом статус. Затем Чарыков был назначен посланником в Гаагу; на эту должность претендовал и Мартенс, мечтая выйти из атмосферы «министерских козней и интриг»⁴⁰. Федор Федорович считал, «что он справится лучше, чем граф Капнист, с представлением России на Берлинской конференции по Африке; что лучше, чем де Сталь, он мог председательствовать на Гаагской конференции 1899 г.; что он знал больше и был более опытен, чем князь Оболенский; что он имел большее знание и понимание международной жизни, чем Чарыков...». Вопрос был решен императором, который сделал выбор в пользу Чарыкова⁴¹.

Амбиции и обиды Мартенса были небеспочвенны. Так, пытаясь рассеять пессимизм Мартенса относительно перспектив конференции, Извольский сказал ему: «...если при Ваших талантах и Вашем имени Вам удастся свести все к благополучному концу, то великое Вам будет спасибо!»⁴².

Сказать, что Мартенс был в изоляции, как он это транслирует в дневнике, нельзя. Извольский держал его в курсе замыслов других членов делегации. В частности, Мартенс благодарил министра за предоставление частных (!) писем Чарыкова, которые убедили его в собственной правоте.

В этих письмах излагалась позиция Чарыкова по ряду вопросов, в том числе как использовать растущую агрессивность Японии в своих интересах. «Имея в виду заботливость Японии казаться цивилизованной державой и заручаться... почтением западного общественного мнения и тот факт, что собранию II конференции уже раз помешала война Японии с нами... японцы не решатся напасть на нас ни перед конференцией... ни сейчас же после»⁴³, — размышлял он и предлагал объявить о созыве конференции как можно быстрее, но дату назначить самую отдаленную, что позволит России выиграть время.

Касательно Германии Чарыков обращал внимание на то, что та настроена достаточно миролюбиво, но опасается оказаться на данной конференции в изоляции, и высказался за то, чтобы поддержать ее. Тогда конференция, в итогах которой российское правительство с точки зрения своих интересов сомневалось, «может принести и политическую пользу»⁴⁴.

Несмотря на благосклонность министра, сам Мартенс оценивал Извольского весьма негативно. Комментируя кадровую политику министра, он отметил: «...Извольский — это не министр иностранных дел, не государственный муж, а избалованная, капризная женщина, которая имеет полную возможность дать свободу своим нервам»⁴⁵.

Еще более язвительно Мартенс отзывался об Извольском в процессе подготовки второй Гаагской конференции, считая, что тот всецело находится под влиянием германского императора: «Все это удивительно глупо, и я должен сказать, что покойный Ламздорф был глуп — это несомненно, но при нем ни Германия, ни другая держава так не управляли русским министерством иностранных дел»⁴⁶.

В литературе отмечается, что именно в письме Чарыкова от 3 (16) мая 1906 г. была впервые сформулирована мысль о «пользе создания среди 46 участников конференции ...некоего внутреннего круга, который составил бы из главных европейских кабинетов... и который

³⁹ Там же.

⁴⁰ Рыбачёнок И.С. Заграничное турне профессора Ф.Ф. Мартенса. С. 105.

⁴¹ Pustogarov I.V. Op. cit. P. 238.

⁴² Политика России 1905–1907 годов. Из дневника Ф.Ф. Мартенса. 1997. № 4. С. 107.

⁴³ АВПРИ. Ф. Личный архив А.П. Извольского. Оп. 835. Д. 22. Л. 6 об.

⁴⁴ Там же. Л. 10–10 об.

⁴⁵ Политика России 1905–1907 годов. Из дневника Ф.Ф. Мартенса. 1997. № 4. С. 105.

⁴⁶ Там же. С. 106.

путем предварительного дружеского интимного взаимного соглашения дал бы тон и директиву всемирному съезду». Таким образом, «оригинальным в записке Ф.Ф. Мартенса было только обозначение места встречи — любимый им Париж»⁴⁷. Тем не менее в самой идее Чарыков и Мартенс были единомышленниками.

Во время проведения второй Гаагской конференции недовольство Мартенса деятельностью других российских представителей нарастало: «Во II комиссии наш генерал Ермолов прочел удивительно бездарную и бессодержательную речь об объявлении войны. Сперва он прочел ее на совещании у Нелидова. Я пришел в ужас от нее. Но все другие, исключая Нелидова, рукоплескали. Потом я доказал Чарыкову всю глупость этой речи, от которой он сам был в восторге»⁴⁸.

Пиком раздражения Мартенса на Чарыкова стал момент, когда в ходе работы IV (Морской) комиссии тот предложил установить правило осуществления нейтральным государством его прав: действия нейтрального государства не должны рассматриваться как недружелюбный акт любой из воюющих сторон. Мартенс возразил, что такое условие было не нужно в силу того, что само соглашение составило совершенно новое регулирование. Чарыков полагал, что данным правилом нейтральные государства будут гарантированно защищены от критики и жалоб. «Кажется удачным, что статья 26⁴⁹ не была устранена» — подчеркивалось ее значение в периодической печати⁵⁰. В целом инициатива вызвала столь сильное негодование Мартенса, что он в своем дневнике назвал Чарыкова «дураком»⁵¹.

Чарыков имел свое мнение по вопросам о неприкосновенности частной собственности на море во время войны, об определении предметов военной контрабанды, о снабжении топливом кораблей воюющих держав в нейтральных портах⁵². Самовольные действия Чарыкова вызвали негативное отношение Мартенса. Это объяснялось еще и тем, что он создал эту особую комиссию, можно сказать, именно для себя: «Я устроил разделение конференции на четыре комиссии. Председателем IV-й комиссии был избран я. Это самая трудная комиссия, ибо в ней должны разбираться вопросы морской войны»⁵³.

Мартенс подавал себя как жертву интриг и несправедливого отношения, однако стоит отметить, что он был весьма выгодно женат. В 1879 г. Мартенс женился на Катарине-Марии-Луизе (Екатерине Николаевне) Тур — дочери сенатора, тайного советника Николая Андреевича Тура, что несомненно улучшило положение Федора Федоровича в обществе⁵⁴. Чарыков же женился на девушке из небогатой и сравнительно незнатной семьи⁵⁵, что вызывало язвительные оценки со стороны некоторых других дипломатов⁵⁶. К тому же Николай Валерьевич находился в достаточно прохладных отношениях с прогерманской придворной партией⁵⁷.

Оценка фигуры Мартенса в кругах высшей бюрократии Российской империи в целом не была однозначной. Министр Извольский, как отмечалось выше, благосклонно

⁴⁷ Рыбачёнок И.С. Заграничное турне профессора Ф.Ф. Мартенса. С. 111.

⁴⁸ Политика России 1905–1907 годов. Из дневника Ф.Ф. Мартенса. 1997. № 4. С. 109.

⁴⁹ Статья 26. Осуществление нейтральною державою прав, определенных настоящей Конвенцией, никогда не может быть сочтенным за действие недружелюбной тем или другим из воюющих, принявшим относящиеся к сему статьи. XIII Гаагская конвенция о правах и обязанностях нейтральных держав в случае морской войны 1907 года. Вторая конференция мира, 1907. СПб., 1908. С. 293.

⁵⁰ The Hague Convention Respecting the Rights and Duties of Neutral Powers in Naval War // The American Journal of International Law. 1908. Vol. 2. № 3. P. 526.

⁵¹ Pustogarov V.V. Op. cit. P. 318.

⁵² Tcharykow N.V. Glimpses of High Politics. P. 257–259.

⁵³ Рыбачёнок И.С. Россия и вторая конференция мира 1907 года в Гааге. С. 137.

⁵⁴ Рыбачёнок И.С. Заграничное турне профессора Ф.Ф. Мартенса. С. 103.

⁵⁵ Сиверс А.А. Генеалогические разведки. Вып. 1. СПб., 1913. С. 68.

⁵⁶ Хевролина В.М. Российский дипломат граф Николай Павлович Игнатьев. М., 2009. С. 159.

⁵⁷ Михайловский Г.Н. Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства. 1914–1920: в 2-х кн. Кн. 1. М., 1993. С. 209.

относился к нему, а, например, секретарь Российского исторического общества А.А. Половцов отметил в дневнике эпизод заседания: «Мартенс душит нас рассказом, достойным сельского школьного учителя, о сношениях России с Пруссией во время Отечественной войны. С трудом прерываю этот педантический, бездарный рассказ...»⁵⁸. Критически отзывался о Мартенсе и С.Ю. Витте: «Ф.Ф. Мартенс скучен, любимая тема его — воспоминания о тех международных конференциях, где он работал экспертом»⁵⁹. Заметим, что и к Чарыкову Витте относился весьма скептически⁶⁰.

Позиции Мартенса и Чарыкова различались в ряде вопросов на подготовительном этапе. Сохранившиеся источники не позволяют с точностью установить юридические нюансы, в которых расходились Мартенс и Чарыков непосредственно на конференции. Сложность проведения фронтального компаративного анализа состоит и в том, что Мартенс был признанным специалистом, теоретиком, экспертом в области международного права, автор фундаментальных трудов, в которых детальным образом излагалось множество проблем международного права и вариантов их решения. Чарыков был в большей степени международником-практиком, а не юристом-теоретиком высокого класса, он формулировал идеи, зачастую не прорабатывая их детально, возлагая эту функцию на юристов МИД. Именно это стало причиной крайнего раздражения и критики в адрес Н.В. Чарыкова со стороны ученика Ф.Ф. Мартенса и также весьма авторитетного ученого и специалиста в области международного права М.А. Таубе⁶¹.

Трудность выявления элементов конфликта заключается еще и в том, что Мартенс как в данном случае, так и во многих других ситуациях не выносил раздражение и недовольство в деловую документацию и публичные выступления, а демонстрировал свои чувства в личном дневнике. В документах делового характера нет свидетельств личного противостояния между Чарыковым и Мартенсом, а имеют место лишь иные подходы к решению некоторых вопросов, но никак не конфликт.

Противоречивые оценочные суждения содержатся и в бумагах Чарыкова. В деловой переписке 1906 г. он с тревогой пишет: «Возникает опасность создания “международного парламента” с изъятием упомянутой деятельности из-под контроля правительств, осуществляемого через их ответственных дипломатических представителей»⁶². В воспоминаниях, изданных в 1931 г., он характеризовал Гаагские конференции положительно и называл «Первым парламентом Человечества»⁶³.

Явное расхождение научно-дипломатического характера, нашедшее отражение в источниках, состоит в разном понимании отсутствия или же необходимости установления специальной юридически оформленной нормы в отношении прав нейтральных государств при военном конфликте двух стран. Норма, на которой настаивал Чарыков, вопреки мнению Мартенса, была в общем установлена. Ее значимость Чарыков аргументировал спустя время своим опытом: она позволила ему, будучи послом в Турции, добиться разрешения для прохода российских кораблей, шедших с грузом в порты Италии, через проливы Босфор и Дарданеллы, несмотря на итало-турецкую войну⁶⁴.

Достижения Мартенса на Гаагских конференциях, не считая огромной подготовительной, организационной и экспертной работы в целом, были воплощены в Конвенции о законах и обычаях сухопутной войны⁶⁵.

⁵⁸ Половцов А.А. Дневник государственного секретаря: в 2-х т. Т. 1. М., 2005. С. 319.

⁵⁹ Ильин С.В. Витте. М., 2006. С. 287.

⁶⁰ Витте С.Ю. Воспоминания: в 3-х т. Т. 3. М., 1960. С. 525–526.

⁶¹ Таубе М.А. «Зарницы». Воспоминания о трагической судьбе предреволюционной России. (1900–1917). М., 2007. С. 110–112.

⁶² АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 4906. Л. 3. Доверительная записка Д.С.С. Чарыкова. 31 мая 1906 г.

⁶³ Tcharykow N.V. Glimpses of High Politics. P. 260.

⁶⁴ Ibid. P. 259.

⁶⁵ Пустогаров В.В. «...С пальмовой ветвью мира». С. 268–269.

Применительно к разногласиям Чарыкова и Мартенса возникает вопрос: почему российские делегаты выступили с разными позициями непосредственно на конференции? Очевидно, что подобные инциденты должны исключаться еще на этапе подготовки через выстраивание персуазивности, если речь идет именно о дискуссии научно-дипломатического характера. Причины организационных проблем в деятельности российской делегации и координации действий ее участников, очевидно, нуждаются в дальнейшем исследовании. Тем более что конфликтом Чарыкова и Мартенса это не исчерпывается. Их противостояние очень показательно в силу наиболее высокого статуса в делегации, за исключением Нелидова.

На склоне лет Мартенс писал: «Горжусь, что помогал создавать по мере сил основы для общей жизни народов. Я спокойно могу закрыть свои глаза. Ни в России, ни во всем мире меня не забудут после моей смерти, и моя деятельность на пользу развития международного права не будет забыта»⁶⁶. В недочетах управления делегацией и конференцией Федор Федорович обвинял Нелидова, «который совсем не понимал своей роли председателя конференции и представителя России. Он был вообще очень слаб и непростительно равнодушен к моим стараниям»⁶⁷.

В отчете Морского министерства подчеркивалась выдающаяся роль Чарыкова, который «постепенно создал вокруг данного вопроса такую обстановку, что под конец конференции взгляды России стали находить все большее и большее число сторонников»⁶⁸. На закате своего жизненного пути, будучи в вынужденной эмиграции, Чарыков написал статью об относительности мирных договоров⁶⁹, а также оставил свое мнение о Гаагской конференции в воспоминаниях, где отметил и свой вклад в создание международного права⁷⁰.

Сравнение биографических линий Чарыкова и Мартенса приводит к выводу, что их судьбы во многом похожи, сходились они и во взглядах относительно международной безопасности — оба были за мирное урегулирование международных проблем. Расхождение заметно в практике и самооценке. С точки зрения Мартенса, он вел большую подготовительную работу, а Чарыков использовал ее результаты, высказывая свое мнение и занимая самостоятельную позицию в тактике переговоров вразрез с позицией Мартенса. Федор Федорович полагал, что именно он знает глубоко вопрос о Гаагской конференции, а Чарыков — поверхностно, поскольку не занимался его подготовкой. Действительно, можно признать, что Мартенс — более осведомленный теоретик, Чарыков в меньшей степени владел теоретическими тонкостями международного права, однако был компетентнее в дипломатической практике.

Свою роль играл и возрастной фактор. Мартенс был старше Чарыкова и считал, что гораздо более, чем тот, заслуживает наград и повышения. Чарыков ввиду своей более высокой должности полагал, что наделен исключительными политическими полномочиями. Причем в источниках нет информации, позволяющей установить, что он испытывал пренебрежение либо ответное негативное отношение к Мартенсу.

Отметим, что среди сотрудников российского МИД действительно была как гласная, так и негласная иерархия. Должности консулов и юристов-советников рассматривались как второстепенные. Назначения на них производились из менее привилегированных слоев. Послы и посланники были из потомственных дворян⁷¹. Прослеживается и неприязнь сотрудников МИД, имевших небольшие шансы на получение высоких должностей

⁶⁶ Пустогаров В.В. Ф.Ф. Мартенс — юрист, дипломат, публицист. С. 147.

⁶⁷ Политика России 1905—1907 годов. Из дневника Ф.Ф. Мартенса. 1997. № 4. С. 111.

⁶⁸ Рыбачёнок И.С. Россия и вторая конференция мира 1907 года в Гааге. С. 137.

⁶⁹ Чернов О.А. Мирные договоры и проблемы международной безопасности: концепция Н.В. Чарыкова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2018. Т. 18. № 3. С. 290—294.

⁷⁰ Tcharykow N.V. Relativity in treaties of peace // The Contemporary Review. 1928. P. 191—194.

⁷¹ Григорьев Б.Н. Повседневная жизнь царских дипломатов в XIX веке. М., 2010. С. 347.

по причине недворянского происхождения, к дипломатам из дворян, занимавших высокие назначения, порой независимо от уровня образования и способностей.

Таким образом, применительно к конфликту Ф.Ф. Мартенса и Н.В. Чарыкова следует отметить его неявный характер. Важно, что речь идет не о расхождениях в мировоззрении и стратегии относительно проблем международной безопасности, а скорее о разном понимании задач. Разногласия в значительной степени были детерминированы такими факторами, как происхождение, возраст, образование и воспитание, и лежат в плоскости субъективной практики, конкуренции и межличностной борьбе, а также методах работы.

Библиография

- Витте С.Ю. Воспоминания: в 3-х т. Т. 3. М., 1960.
- Вишняков Я.В. Два взгляда на сербскую политику. Н.В. Чарыков и П.А. Капнист о внутривнутриполитическом положении Сербского королевства и Балкан начала XX века // Славяноведение. 2021. № 5. С. 5–15.
- Григорьев Б.Н. Повседневная жизнь царских дипломатов в XIX веке. М., 2010.
- Ильин С.В. Витте. М., 2006.
- Императорское Русское Историческое Общество. Пг., 1916.
- Кузьмичева Л.В. Российские дипломаты Н.В. Чарыков и В.Н. Штрэндтман о причинах неудачи российского плана создания Балканской федерации // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2021. Т. 16. № 1–2. С. 154–170.
- Матвеева А.Г. Посольство Российской империи в Берлине о социалистическом движении в Германии в 1890–1898 годах. По материалам Архива внешней политики Российской империи // Новая и новейшая история. 2021. № 5. С. 179–193.
- Михайловский Г.Н. Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства. 1914–1920: в 2-х кн. Кн. 1. М., 1993.
- Николаев Н.Ю. Россия и Гаагская мирная конференция 1899 года: дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2001.
- Пахомова Л.Ю. Балканский лакмус. Австро-венгерская политика в Боснии и Герцеговине и российская дипломатия (1878–1908). М., 2021.
- Политика России 1905–1907 годов. Из дневника Ф.Ф. Мартенса // Международная жизнь. 1996. № 1. С. 99–107; № 4. С. 104–112; 1997. № 4. С. 101–111.
- Половцов А.А. Дневник государственного секретаря: в 2-х т. Т. 1. М., 2005.
- Почекаев Р.Ю. Российский фактор правового развития Средней Азии: 1717–1917. Юридические аспекты фронтирной модернизации. М., 2020.
- Пустогаров В.В. «...С пальмовой ветвью мира». Ф.Ф. Мартенс – юрист, дипломат, публицист. М., 1993.
- Пустогаров В.В. Ф.Ф. Мартенс – юрист, дипломат, публицист // Вопросы истории. 1999. № 7. С. 141–147.
- Рыбачёнок И.С. Россия и Первая конференция мира 1899 года в Гааге. М., 2005.
- Рыбачёнок И.С. Заграничное турне профессора Ф.Ф. Мартенса // Вопросы истории. 2018. № 8. С. 100–122.
- Рыбачёнок И.С. Россия и вторая конференция мира 1907 года в Гааге // Новая и новейшая история. 2019. № 1. С. 113–146.
- Рыбачёнок И.С. Проекты усовершенствования деятельности Постоянной Палаты Третейского суда в Гааге в контексте подготовки Второй конференции мира 1907 г. // Внешнеполитические интересы России: история и современность. Самара, 2019. С. 152–159.
- Сергеев Е.Ю. Большая игра, 1856–1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М., 2012.
- Синдеев А.А. Российское направление концерта держав в 1909 и 1919 гг. (подход Германии) // Весті БДПУ. Серія 2. Історія. Філософія. Політологія. Соціологія. Економіка. Культурологія. 2020. № 4 (106). С. 79–83.
- Сиверс А.А. Генеалогические разведки. Вып.1. СПб., 1913.
- Таубе М.А. «Зарницы». Воспоминания о трагической судьбе предреволюционной России (1900–1917). М., 2007.
- Хевролина В.М. Российский дипломат граф Николай Павлович Игнатьев. М., 2009.
- Чернов О.А. Дипломатическая деятельность и исторические взгляды Н.В. Чарыкова. Самара, 2010.
- Чернов О.А. Ранние годы российского дипломата и ученого Н.В. Чарыкова. По документам Центрального государственного архива Самарской области // Вестник архивиста. 2012. № 4. С. 292–299.

Чернов О.А. Мирные договоры и проблемы международной безопасности: концепция Н.В. Чарыкова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2018. Т. 18. № 3. С. 290–294.

Чернов О.А. Эпоха и личность Петра I в исследованиях Николая Валерьевича Чарыкова // Вестник МГИМО-Университета. 2022. № 15 (5). С. 7–26.

Чарыков Н.В. Карл Осипович Хис. СПб., 1902.

Чарыков Н.В. Посольство в Англию дворянина Григория Микулина в 1600 и 1601 гг. СПб., 1876.

Pustogarov V.V. Our Martens. International Lawyer and Architect of Peace / ed. and transl. by W.E. Butler. London; The Hague; Boston, 2000.

Tcharykow N.V. Un voyage dans l'Ouzbekistan en 1670 // Труды Третьего международного съезда ориенталистов в С.-Петербурге. Т. I. СПб., 1879–80. P. 595–604.

Tcharykow N.V. Relativity in treaties of peace // The Contemporary Review. 1928. P. 191–194.

Tcharykow N.V. Glimpses of High Politics. London, 1931.

References

Charykov N.V. Karl Osipovich His [Karl Osipovich His]. Sankt-Peterburg, 1902. (In Russ.)

Charykov N.V. Posol'stvo v Angliju dvorjanina Grigorija Mikulina v 1600 i 1601 gg. [Embassy of the nobleman Grigory Mikulin to England in 1600 and 1601 gg.]. Sankt-Peterburg, 1876. (In Russ.)

Chernov O.A. Diplomaticeskaja dejatel'nost' i istoricheskie vzgljady N.V. Charykova [Diplomatic activity and historical views of N.V. Charykov]. Samara, 2009. (In Russ.)

Chernov O.A. Jepoha i lichnost' Petra I v issledovanijah Nikolaja Valer'evicha Charykova [The Epoch and Personality of Peter the Great in Nikolay Charykov's Research] // Vestnik MGIMO-Universiteta [Bulletin of the Moscow State Institute of International Relations]. 2022. № 15 (5). S. 7–26. (In Russ.)

Chernov O.A. Mirnye dogovory i problemy mezhdunarodnoj bezopasnosti: koncepcija N.V. Charykova [Peace treaties and the problem of international security: the concept of N.V. Charykov] // Izvestija Saratovskogo universiteta. Novaya serija. Serija: Istoriya. Mezhdunarodnye otnoshenija [News of Saratov University. A new series. Series: History. International relations]. 2018. T. 18. № 3. S. 290–294. (In Russ.)

Chernov O.A. Rannie gody rossijskogo diplomata i uchenogo N.V. Charykova. Po dokumentam Central'nogo gosudarstvennogo arhiva Samarskoj oblasti [Early years of the Russian diplomat and scientist N.V. Charykov. According to the documents of the Central State Archives of the Samara Region] // Vestnik arhivista [Archivist's Bulletin]. 2012. № 4. S. 292–299. (In Russ.)

Grigor'ev B.N. Povsednevnaia zhizn' carskih diplomatov v XIX veke [The daily life of royal diplomats in the 19th century]. Moskva, 2010. (In Russ.)

Hevrolina V.M. Rossijskij diplomat graf Nikolaj Pavlovich Ignat'ev [Russian diplomat Count Nikolai Ignatieff]. Moskva, 2009. (In Russ.)

I'in S.V. Vitte [Vitte]. Moskva, 2006. (In Russ.)

Imperatorskoe Russkoe Istoricheskoe Obshhestvo [Imperial Russian Historical Society]. Sankt-Peterburg, 1916. (In Russ.)

Kuz'micheva L.V. Rossijskie diplomaty N.V. Charykov i V.N. Shtrandtman o prichinah neudachi rossijskogo plana sozdanija Balkanskoj federacii [Russian diplomats N.V. Charykov and V.N. Strandtmann on the reasons for the failure of the Russian plan to create a Balkan Federation] // Slavjanskij mir v tret'em tysjach-eletii [The Slavic World in the Third Millennium]. 2021. T. 16. № 1–2. S. 154–170. (In Russ.)

Matveeva A.G. Posol'stvo Rossijskoj imperii v Berline o socialisticheskom dvizhenii v Germanii v 1890–1898 godah. Po materialam Arhiva vneshnej politiki Rossijskoj imperii [Embassy of the Russian Empire in Berlin on the socialist movement in Germany in 1890–1898] // Novaya i Novejshaya Istoriya [Modern and Contemporary History]. 2021. № 5. S. 179–193. (In Russ.)

Mihajlovskij G.N. Zapiski. Iz istorii rossijskogo vneshnepoliticheskogo vedomstva. 1914–1920 [Note. From the history of the Russian Foreign Ministry. 1914–1920]: v 2-kh kn. Kn. 1. Moskva, 1993. (In Russ.)

Nikolaev N.Ju. Rossija i Gaagskaja mirnaja konferencija 1899 goda [Russia and the Hague Peace Conference of 1899]: dis. ... kand. ist. nauk. Volgograd, 2001. (In Russ.)

Pahomova L.Ju. Balkanskij lakmus. Avstro-vengerskaja politika v Bosnii i Gercegovine i rossijskaja diplomacija (1878–1908) [Balkan litmus. Austro-hungarian policy in Bosnia and Herzegovina and Russian diplomacy, 1878–1908]. Moskva, 2021. (In Russ.)

Pochekaev R.Ju. Rossijskij faktor pravovogo razvitija Srednej Azii: 1717–1917. Juridicheskie aspekty frontirnoj modernizacii [The Russian Factor in the Legal Development of Central Asia: 1717–1917. Legal Aspects of Frontier Modernization]. Moskva, 2020. (In Russ.)

Politika Rossii 1905–1907 godov. Iz dnevnika F.F. Martensa [Russian Policy of 1905–1907. From the diary of F.F. Martens] // Mezhdunarodnaja zhizn' [International affairs]. 1996. № 1. S. 99–107; № 4. S. 104–112; 1997. № 4. S. 101–111. (In Russ.)

Polovtsov A.A. Dnevnik gosudarstvennogo sekretarya. [Diary of the Secretary of State]: v 2-kh t. T. 1. Moskva, 2005. (In Russ.)

Pustogarov V.V. "...S pal'movoj vetv'ju mira". F.F. Martens — jurist, diplomat, publicist ["... With the palm branch of the world". F.F. Martens — lawyer, diplomat, publicist]. Moskva, 1993. (In Russ.)

Pustogarov V.V. F.F. Martens — jurist, diplomat, publicist [F.F. Martens — lawyer, diplomat, publicist] // Voprosy istorii [Questions of history]. 1999. № 7. S. 141–147. (In Russ.)

Rybachenok I.S. Proekty usovershenstvovaniya dejatel'nosti Postojannoj Palaty Tretejskogo suda v Gaage v kontekste podgotovki Vtoroj konferencii mira 1907 g. [Projects of improving of the activities of the permanent court of arbitration in Hague in the context of the preparation for the Second peace conference of 1907] // Vneshnepoliticheskie interesy Rossii: istorija i sovremennost' [Foreign policy interests of Russia: history and modernity]. Samara, 2019. S. 152–159. (In Russ.)

Rybachenok I.S. Rossija i Pervaja konferencija mira 1899 goda v Gaage [Russia and the First World Conference of 1899 in The Hague]. Moskva, 2005. (In Russ.)

Rybachenok I.S. Rossija i vtoraja konferencija mira 1907 goda v Gaage [Russia and the Second Hague Conference 1907] // Novaya i Novejšaya Istoriya [Modern and Contemporary History]. 2019. № 1. S. 113–146. (In Russ.)

Rybachenok I.S. Zagranichnoe turne professora F.F. Martensa [Professor F.F. Martens' Overseas Tour] // Voprosy istorii [Questions of history]. 2018. № 8. S. 100–122. (In Russ.)

Sergeev E.Ju. Bol'shaja igra, 1856–1907: mify i realii rossijsko-britanskikh otnoshenij v Central'noj i Vostochnoj Azii [The Great Game, 1856–1907: Myths and Realities of Russian-British Relations in Central and East Asia]. Moskva, 2012. (In Russ.)

Sindeev A.A. Rossijskoe napravlenie koncerta derzhav v 1909 i 2019 g. (podhod Germanii) [Russian direction of the concert of powers in 1909 and 2019 (Germany's approach)] // Vesci BDPU. Seryja 2. Gistoryja. Filosofija. Palitalogija. Sacyjalogija. Jekanomika. Kul'turalogija [News of the Belarusian State Pedagogical University. Series 2. History. Philosophy. Political science. Sociology. Economy. Cultural studies]. 2020. № 4 (106). S. 79–83. (In Russ.)

Sivers A.A. Genealogicheskie razvedki [Genealogical intelligence]. Vyp. 1. Sankt-Peterburg, 1913. (In Russ.)

Vishnjakov Ja.V. Dva vzgljada na serbskiju politiku. N.V. Charykov i P.A. Kapnist o vnutripoliticheskom polozhenii Serbskogo korolevstva i Balkan nachala XX veka [Two views on Serbian politics. N.V. Charykov and P.A. Kapnist about the internal political situation in the kingdom of Serbia and in the Balkans at the beginning of the 20th century] // Slavjanovedenie [Slavonic studies]. 2021. № 5. S. 5–15. (In Russ.)

Vitte S.Yu. Vospominaniya [Memories]: v 3-kh t. T. 3. Moskva, 1960. (In Russ.)

Pustogarov V.V. Our Martens. International Lawyer and Architect of Peace / ed. and transl. by W.E. Butler. London; The Hague; Boston, 2000.

Tcharykow N.V. Un voyage dans l'Ouzbekistan en 1670 // Trudy Tret'ego mezhdunarodnogo s'ezda orientalistov v S.-Peterburge [Proceedings of the Third International Congress of Orientalists in St. Petersburg]. T. I. Sankt-Peterburg, 1879–80. P. 595–604.

Tcharykow N.V. Relativity in treaties of peace // The Contemporary Review. 1928. P. 191–194.

Tcharykow N.V. Glimpses of High Politics. London, 1931.